

ЩЕМЯЩЕЕ ЧУВСТВО ДОРОГИ

Северные истории

ГУСИНЫЙ ПРОЛЕТ

Хороша тундра в любое время года. И в разные времена года красота эта по-своему открывается. Неправду думают: дескать, это нечто плоское и однообразно унылое, покрытое вечными мертвыми снегами. Как бы не так! Все здесь движется и живет своей жизнью, даже ветер, даже змеящийся сквозь него снег.

Земля в тундре — где повыше, а где пониже. И овраги есть, и русла рек, и холмы удивительные, ледяные.

Весной, когда только сойдет снег, тундра — почти черная, но не совсем, а скрасна. Так набухающие почки деревьев первыми указывают на смену времени года, наполняясь свежими соками, предугадывая собой и будущее цветение, и свежую нежную зелень. Потом начинается разлив рек, могучий и широкий — от края до края небес. Только озера долго еще стоят недвижно под полупрозрачной корочкой льда, зацветшего всеми цветами радуги. Некоторые — синеватые, другие — коричнево-зеленые, с белыми зимними прожилками...

А летом тундра пахнет свежим мхом, травой и вызревающей ягодой-морошкой, живого солнечного цвета. И дышит коротким знойным покоем.

Но более всего нравится мне в тундре осень. Она здесь короткая, но неторопливая, с ясными, прозрачными полднями и сказочно непроглядными ночными туманами. Земля по осени становится в тундре цветной. Одни травы и кустики краснеют, другие желтеют, третьи становятся бурыми, а четвертые по-августовски еще так и остаются сочно-зелеными.

Но самое запоминающееся осеннее действо — это пролет гусей! Бесчисленными стаями проносятся они днем на юг по лазурному небу... И не только днями летят они. Однажды глубокой осенней ночью на дальней буровой я вышел из вагончика поглядеть на звезды. Почему-то не спалось. Увы, звезд видно не было. Под светом прожекторов медленно клубился туман. Поставя с минуту, я уже было собрался обратно в балок, но тут услышал шуршание невидимых крыльев. Множества крыльев. Шуршание было столь явственным, что казалось: они могут задеть мою голову.

Этого не произошло, но тут в клубящейся белесой темноте возникли голоса птиц. Не крики, не зов, а именно голоса! Как на птичьем дворе. Оказывается, гуси в полете переговариваются между собой точно так же, как на птичьем дворе в какой-нибудь деревне. О том, что гуси могут одновременно и лететь, и гоготать, мне в тот момент и в голову не приходило! И осталось такое ощущение, будто сам птичий двор поднялся в воздух и движется в мою сторону.

Голоса пролетных гусей растворились в тумане. А я еще долго стоял в темноте, ожидая чего-то...

Разве такое забудешь?

ТУМАНЫ ТУНГУССКИЕ

Плывут туманы над Нижней Тунгуской. Плывут, плывут...

Просвечивают сквозь них длинные, протяжные, словно эхо, берега: где высокие да обрывистые, где низкие да замшелые. Бегут по берегам деревья лесные — лиственницы, березки... Бегут, бегут, прячутся в туманах от ветра осеннего, студеного, неперемного. А не укрыться им за туманами, не спрятаться! Разнесет ветер и туманы, разнесет, разгонит, а что не разгонит — то в небо подымет, в облака-тучи обратит, дождями на землю прольет, снегами выметет...

Плывут туманы над Нижней Тунгуской, словно призрачными ладонями, словно пальцами белесыми чуть касаясь реки-красавицы. Ожерельями-плесами расплескались вдоль нее бесчисленные бусинки-самоцветы — сердолики рыжие, кварцы молочные, прозрачные горные хрустали да цветные яшмы...

Говорят, если терпеливо вслушиваться в туманы, то можно порой различить в них древний, манящий, таежный голос, сказочный голос девки Синильги... Плывут туманы над рекой, плывут, словно души

человеческие, Синильгой замороженные, влюбившиеся в эти берега, в эти олени тропы, в эти поющие горлом диковинные эвенкийские скалы...

Ходят в глубинах речных, изумрудных, рыбы могучие — бесценные темные таймени. Светом брызнувшим отражаются на речных волнах радуги небесные. И, конечно, наступают однажды ледяные, морозные ночи длинные, дни короткие...

Утечет время, вьюгами завьется, снегами уляжется, унесет путника далеко-далеко от сибирской реки. И вдруг, ненароком, вздрогнет оно в самом сердце, вернется эхом, наснитися-нагрезится, и поплывут, поплывут снова сквозь память человеческую волшебные туманы над Нижней Тунгуской...

ЖИВОЕ СОЛНЦЕ

Руками его не потрогаешь. На вкус не попробуешь. Но оно — живое. Такое же живое — как небо. Живое солнце. Вот оно переливается в радуге. А вот становится свечкой над горизонтом. А вот — прорывается сквозь облака, прорывается, мутнеет и тонет в мареве... и опять прорывается. Пока не прорвется окончательно. И тогда сияет, как улыбка. Простодушно так сияет, смущается и... опять сияет.

А вот ветер бросается в него песком и пылью. А вот волны рвутся к нему, насмерть разбиваясь о скалы. А потом — опять рвутся к нему. Потому что смерти нет.

Вот оно заходит за горизонт и сияет оттуда, из-под земли, цепляется лучами-пальцами за ускользящее истаивающее аметистовое небо. А вот — не заходит совсем. На Севере. Не заходит — и все. О, какое упрямое! С характером!

Живое солнце. Обидчивое. Зимой ему холодно. Покраснеет от мороза, уйдет с горизонта и греется где-то на юге. Вот же нежное какое! Вообще до весны может не выглядывать. В южные края подается, вместе с птицами. Там хорошо. Там всегда лето.

Живое солнце. Очень живое. В руки не дается. Вечно перекачивается. Вечно торопится куда-то. Мир посмотреть. Себя показать. В мире ведь все живое. Все живет. Все дышит. Все чувствует. Все понимает. Всему больно. От всего радостно. Ничему нет конца...

ВОЛКИ

В Сухобузимском районе за деревней Павловщина к парому через Енисей съехали на бортовом «Урале». Верх его был крыт брезентом, и потому, озираясь на мелкий морозящий дождь, никто из кузова не вылез. Там, под брезентом, было как-то ловчее, чем снаружи. Мордатый Кузьмич, раскрасневшись под «Мадеру», травил свои фирменные байки. Остальные — геолог Сидоров, Витюня (местный кадр) и сам Михалыч — слушали.

— Места здесь после войны совсем дикими стали, особенно там, за рекой. Народ поразъехался. Сейчас в деревнях-то путных мужиков не осталось, а там, где прииски раньше были, как позакрывалось все тогда, в хрущевские времена, так никто и не шаршился. Ну, кроме охотников, конечно. Те — да, те в любую дыру лезут за зверем. Да и они-то не шибко любили туда забираться... Неприятно там как-то человеку. Муторно... Нехорошее говорят про те места...

Кузьмич отчего-то вдруг помрачнел с лица и замолк. И сколько к нему ни приставали всю дорогу (особенно Сидоров старался), он только смолил свои «беломорины», пил «Мадеру» из горла да отмалчивался...

Приехали. Тишина-а кругом. Ельник. Сырость. Ручей невдалеке журчит. Темнота. Из жилья — старая полусгнившая банька с прохудившейся печкой «буржуйкой». И все.

Всем миром эту чертову печку топили. Всю ночь толком не спали. Только задремлешь — дрова прогорают или гаснут (сырое же все кругом). Вот и дежурили поневоле. А спать — разве заснешь, когда в баньку на двух человек набилось столько народу — аж пятеро, если с шофером считать! Печка — дрянь, только сама себя греет, зато дымит изо всех щелей. Никак дым вверх не хотел идти, все только понизу... К утру головы у всех от дыма задурели, как у наркоманов.

Наконец рассвет наступил. Промозглый такой, серый, с осенним туманом. Хмель у всех давно прошел. Тут работать надо, иначе — зачем же перлись в такую дыру? А никакого настроения на это дело... И то: добрый хозяин в такую сырь собаку не погонит, а тут сами забрались. «Экспедица называется!..» На рекогносцировку приехали. Старые золотоносные площади на месте осмотреть. А что смотреть-то, когда ночь не спавши?

Сидорова с утра что-то отрыжка замучила. Не пошла ему «Мадера». Честно, не пошла. Глянул Кузьмич, как человек страдает, понимающим взглядом, вздохнул... И махнул рукой. Ладно, сами разберемся. Оставайся в баньке, как полегчает — картошку почистишь. Все равно — наездимся, набегаемся, жрать захотим. А тут — сервис... Что еще скажешь человеку, если он сегодня больше ни на что не годен по объективным причинам?

А места-то и впрямь безлюдные. Пока по старой дороге добирались, больше бензопилой работали, чем ехали, упавшие деревья да завалы разбирали. Давно-о там ни одна машина не проезжала. Во многих местах и

колеи-то нет — так, угадывается только прогал между деревьями. А кое-где посреди дороги молодняк стоит. Кое-как до той баньки ночью уже добрались. Вот с потом да с матом хмель-то и сошел...

Лежит Сидоров возле печки. Греется. Охает: печенка болит с перепоя. Мужики на «Урале» уехали. А ему и приподняться-то в лом: все боли-ит! Водички из фляжки отхлебнет. И опять в потолок охает.

Очухался к обеду. Жрать захотел. А нету! Готовить надо. Ну, он: тык-мык... тит-твою-мать! Одна картошка! Ну, соли еще пачка. И все. Картошка в рюкзаке. Соль в углу. Ведро есть. Котелок есть. Нож кухонный есть. Спички есть. Вода — в ручье. Ручей — за банькой.

Кузьмич нарочно не оставил ни тушенки, ни хлеба, ни лука даже. Сидоров сообразил, почему, хотя оно и козе понятно: легче сожрать готовый (или полуготовый) продукт, нежели чистить и варить картофан. А халяву все любят. Леха Сидоров в этом смысле — суровое правило, и ни в коем разе не исключение из оногo. Просто — ни под каким соусом... Вот поэтому Кузьмич и уволок с собой все продукты, не оставив голодному Сидорову ни одного шанса на халяву.

Конечно, спору нет, главным стратегом, командующим и распорядителем финансов был Михалыч. Но! Все, что касается хозяйства, продуктов, амуниции и пр. и др. и хр. и еще хр. — все это к Кузьмичу. Он и завсклад, и техснаб, и промбаз с во-от такими вот наковальнями вместо ладоней... Вдобавок ко всему, сегодня вместе с Витюней он исполнял (рост два метра, морда красная) роль маленького юркого дерсу-узала в дебрях тайги. В этом тоже есть свои плюсы: по хрусту падающих стволов, хлопанью болотной воды и смачным выражениям Кузьмича, идущего впереди, сразу становилось ясно, куда не следует направляться всем остальным.

Когда Кузьмичу становилось особенно тяжело, к нему приближался Витюня в своей вислоухой шапчонке, участливо спрашивал, что случилось, не нужна ли помощь, и подробно объяснял, почему сюда ходить не надо, а надо во-он туда ходить, а сюда ты, Кузьмич, зря пошел. Спорим, что зря?..

И Кузьмич спорил. Как умел... Поэтому группа исследователей бескрайних просторов тайги только в сумерках поняла, что ей пора в баню. Тем более что в обед перекусывали у костра чаем с сухарями (продукты-то в кузове «Урала»), а «Урал» давно уж оставили, когда поняли, что тут особо негде кататься. Водила ходил вместе со всеми, потому устал и оголодал не меньше. А что ему — весь день в кабине сидеть, что ли? Это ж не город: ни угонщики, ни милиционеры в кустах не сидят.

А вот то, что снег пошел крупный такой да хлопьями — с обеда, вот то проблема. Видимость почти вовсе пропала. Вот так и возвращались. Пока до машины дошли да пока доехали до баньки — ночь на дворе! Она, банька, кстати, стояла с бериевских еще времен, конечно, если б ее изредка охотники не подшаманивали, до наших годов все бы сгнило. А так — хоть какая — но крыша над головой...

Ну, подъехали. Баньку фарами «Урала» осветили. Мужики орут, Леху кличут. А его нет. Не выходит никто из баньки. Заглянули мужики внутрь, видят: Сидоров сидит на полати целехонький, на них в дверь смотрит и не реагирует никак! Вроде, одеревенелый какой-то.

Кузьмич сразу захотел ему по рогам врезать. За дурь. Михалыч остановил:

— Постой, — говорит, — разобраться надо. Накостылять всегда успеем.

Стали его разглядывать. А у него взгляд остекленевший: в дверной проем уставился и замер... Картошка наполовину только чищена. Нож на полу валяется. Ну, стали его трясти, растирать да материть. Потом, когда отошел малость, полкружки водки (из НЗ) налили. Выпил. Соображать начал. И такое порассказал...

— Чищу, — говорит, — картошку. А день-то серый, в баньке вообще сумерки. Придвинулся поближе к входу, где лучше видать. Тишина кругом. Неуютно как-то. Знаю же, что один здесь до самого вечера... Вдруг вроде как в глазах потемнело. Голову приподнял, глядь, а мимо меня собачонка в баньку — нырь и — под лавку. И сидит там. Хвост поджала между ног. Вся дрожит. И даже не пикнет. Замерла. Откуда, думаю, в тайге собака взялась? Нет же никого!.. Так. Ладно. Чищу дальше... Раз — чувствую, глядит на меня кто-то, а кто — не вижу. Холодно аж внутри стало. Трясти меня начало с чего-то... Знобит всего. Я затих. Нож в руке сжимаю. Не знаю, что делать. Снег же идет хлопьями. Да такой, что не особо чего разглядишь. Вышел я из баньки. Стою. Озираюсь... Ага! Морда волчья из кустов выглядывает! Я напрягся. Жду... И вторая — позади баньки за ручьем!.. И третья — сбоку так, чуть подальше. Следят за мной. Не приближаются. Замерли. Ждут чего-то. Знака какого, что ли?.. Постоял я, подумал. Зашел обратно, развернулся на пороге, ну, чтоб за спиной никого. Короче, только занял позицию, глядь, а передо мной, вот здесь, на пятачке перед банькой, стоит огромный волк... И взгляд у него — человеческий прямо. Смотрит на меня, не мигая. Не кидается. Просто смотрит. Что тут со мной произошло — не могу описать... Будто душу из меня вынимает... Почудилось мне, будто целая вечность прошла... Тут собака заскулила. Тоненько так. Никогда не думал, что собаки так скулить могут. А глаза у волчары... зеленые какие-то... Не знаю, как я упустил. Только не заметил я в тот момент, как исчез волк. Мгновенно исчез.словно и не было его! Как остальные волки ушли — видел. А этого — упустил... Проходит немного времени. Слышу конский топ. Стоит передо мной всадник на коне. При нем — две лайки. Спрашивает всадник про собачку. Говорит, его это лаечка. Мол, охотник он, наказал ее, побил, а она убежала... А собака под лавкой сидит, скулит, выходить не хочет... Ну, вытащил я кое-как собачонку, отдаю ему... А он схватил ее в руки, как вещь какую-то, как захрипит вдруг и... перекусил ей горло-то! Клыки у мужика здоровенные такие! Кровища хлынула... Оторвал он ей голову. Кровь пьет, чавкает. Потом остальное в кусты отшвырнул. А там — тени какие-то зашевелились. Пропала